

Гусейн Джавид
«ШЕЙДА»

Трагедия в пяти действиях
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Меджид-Эфенди - директор типографии.

Ашраф - его сын.

Шейда, Рамзи, Рауф - редакторы

Макс Мюллер - немец, художник.

Роза - дочь Мюллера.

Мария - мать Розы.

Масуд - главный наборщик.

Гара, Муса, Юсиф – наборщики.

Могильщик, ангел в черной одежде, другие наборщики, музыканты, полицейские и тюремные служители.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Большая комната, принадлежащая дирекции типографии. Одна дверь и два окна комнаты выходят на улицу, слева другая, постоянно открытая дверь ведет в типографию. На стенах висят календари, карты... Справа и слева стулья и столы. На столах - книги, брошюры, журналы, газеты и пр. Конец зимы. Когда открывается занавес, Рауф за столом у окна что-то энергично пишет, светловолосый и чувствительный Шейда, дымя сигарой, задумался, приставив руку ко лбу.

Рауф. Шейда! О чем ты думаешь?

Шейда. Не спрашивай, дорогой, состояние мое ужасно... Я - как корабль, потерявший управление, не знаю, чем заняться.

Рауф (*с усмешкой*). Ну вот, видишь! Что я тебе говорил шесть месяцев назад? Редактирование - это не шутки! Каким бы героем ни был человек поначалу, все-таки в конце концов он устает, пресыщается, начинает скучать. А такие молодые редакторы, как мы, к тому же еще и томятся, нервничают.

Шейда. Нет, Рауф, нет... Ни усталость от редакторства, ни наводящие тоску приказы директора, ни давление цензуры, ни убожество материала не занимают меня, не они на меня давят. Единственная сила, которая убивает меня - это пустота и бессмыслица жизни. (*Поднявшись с места, взволнованно*). Ради бога, ты только подумай! К чему есть и пить, подобно животному, и так старательно трудиться? К чему регулярно раздеваться и одеваться, засыпать и просыпаться? К чему, подобно бесчувственной машине, думать и размышлять, писать и перечеркивать? Ох, когда я размышляю над этими бессмысленными "к чему", над ничтожеством этой лишенной основы жизни, будто орел острыми когтями разрывает мою печень, злобный дракон гложет мой мозг. Хочу смеяться, но не могу, хочется плакать, но не плачу. Глухая тьма, туманная инертность

обволакивают все мое существо. Бесцельная пустота безделья, горькая усталость вечно душат меня. Нет никакого чувства, никакой силы, которые могли бы развеселить мое сердце. Нет ни одной надежды, нет ни одного утешения, которые были бы способны принести радость моей душе... Ищу звезду, какой-нибудь луч, что мог бы озарить мою мечту, но не нахожу его. Хочу покончить с собой и избавиться, но, увы... И это у меня не получается.

Рауф. Зря, дорогой, зря..., ибо в каждой безнадежности живет надежда, в каждой тьме кроется свет, требуются лишь терпение и стойкость. (*Глядя через окно на улицу*). Вот самый очаровательный луч, самая яркая звезда!.. И вместо того, чтобы ты искал ее, она ищет тебя. Вот цветок Германии! Дочь художника, прекрасная Роза! Идет сюда!

Шейда. Ради бога, поменьше смейся надо мной.

Рауф. (*смеясь*). Да, потерявшие голову всегда бывают нервозны и пессимистичны!

Входит Роза в одежде школьницы. Шейда тут же вскакивает со своего места и благоговейно приближается к ней. Длинные светло-каштановые волосы. Розы, ее голубые глаза, целомудренный взгляд, ангельские манеры придают ей особую очаровательность.

Роза (*легким кивком головы приветствует Рауфа, обращаясь к Шейде*). Как ты, дорогой мой?

Шейда. Благодарю.

Роза. Где мой отец?

Шейда. Пока еще не приходил.

Меджид-эфенди (*из типографии*). Рауф, Рауф... Иди-ка сюда.

Рауф. Сейчас, мой эфенди. (*Тут же спускается в типографию*).

Роза. Слава богу, оказывается, и тебя можно изредка видеть. Вот уже второй раз ради тебя, только ради тебя я прихожу сюда.

Шейда. О, я тронут твоей любезностью, твоим благородством... Когда я достаиваюсь такого неожиданного счастья, страдание, смешанное с радостью, необыкновенное волнение обычно лишают меня рассудка, колеблют мою больную душу.

Роза (*улыбаясь*). Ладно, обо всем этом позже. Пойдем к морю сегодня?

Шейда. Конечно, пойдем, если хочешь.

Роза. Какой грех проводить эти ночи впустую!.. Ах, как прекрасна прогулка в лунную ночь на лодке!

Входит Ашраф, элегантно одетый, в пенсне.

Шейда (*обращаясь к изменившейся в лице Розе*). Очевидно, вы не знакомы с Ашраф-беком? Сын директора типографии Меджида-эфенди, он только что вернулся из Европы. (*Ашрафу*). Это мадемуазель Роза, дочь нашего художника из Германии Макса Мюллера.

Ашраф (*с поклоном подавая руку*). Бесконечно счастлив знакомством с Вами.

Роза. Благодарю.

Макс Мюллер (*входит, поглаживая полуседую широкую бороду*). Роза, ты здесь?

Роза. Да, папенька! Пришла за тобой.

Макс Мюллер. Очень хорошо! Отдам эти рисунки и пойдем вместе. *(Из висящей на плече сумки вынимает несколько рисунков, кладет их на стол).* Где Меджид-эфенди?

Шейда. Он в типографии, мой эфенди.

Макс Мюллер. Шейда! Хочу сообщить тебе радостную весть.

Шейда. Какую радостную весть?

Макс Мюллер. Ты целую неделю подыскиваешь себе жилье. А тут один еврей-маклер как раз освобождает комнату в нашем доме, уезжает в Россию. Можешь переселиться туда сегодня же.

Шейда *(пожимая ему руку).* О, если бы вы знали, как я рад этой вести. Я перееду сегодня вечером, да, сегодня же вечером.

Макс Мюллер. Завтраки и вечерний чай дает мать Розы. Будем жить одной семьей, ты совершенно не будешь стеснен. Знаешь, я тебя очень люблю, ибо в тебе я вижу тюркское благородство во всей полноте его.

Шейда. Благодарю вас.

В это время входит тучный, среднего роста Меджид-эфенди вместе с Рауфом.

Макс Мюллер. Мой эфенди, вот рисунки, что я принес для вашего еженедельника.

Меджид-эфенди *(берет рисунки, разглядывает их).* Отлично, великолепно! Хорошо, что вы пришли, у меня к вам один частный вопрос, пойдем, поговорим в магазине.

Макс Мюллер. Извольте, мой эфенди, я вас слушаю...

Меджид-эфенди, Макс Мюллер и Роза уходят.

Меджид-эфенди *(уходя, к Шейде).* Как только придут наборщики, пусть тут же приступят к работе. Сегодня очень много работы, следите, чтобы они не бездельничали.

Шейда. Слушаюсь, мой эфенди.

Ашраф *(возбужденно).* О, Шейда, что за прелесть, что за очарованье! Одним только взглядом покоряет человека. Будь автор Фауста жив, можешь быть уверен, он позабыл бы о своей прекрасной Маргарите и поклонялся бы Розе и оказался бы не перед фантомом своего воображения, а перед блистательной явью.

Шейда. Да, Роза воистину очень милое создание, она нежна и прекрасна.

Ашраф. По правде говоря, я еще не встречал такой чарующей, красавицы! *(Зажигая сигару, задумчиво удаляется).*

Рауф *(входя, Шейде).* Опасный у тебя появился соперник!..

Шейда. Да, этот парень сильно расчувствовался...

В это время входят Гара Муса и Юсиф. Мусса - смуглый, среднего роста, средних лет мужчина с устрашающим обликом. Одежда на нем сильно поношена и залатана, левая рука до локтя забинтована бязью. Его брат Юсиф - бледный молодой человек в последней стадии туберкулеза.

Рауф (*едва увидев их*). Дай-ка посмотреть на тебя, эфенди! Как с рукой, лучше?

Муса. Нет, мой эфенди, наоборот, изо дня в день все хуже.

Рауф. Зачем же стоишь, присядь.

Муса (*своему брату*). Садись ты, Юсиф. Я повидаюсь с Меджидом-эфенди и тут же вернусь. Если тебе наскучит, не жди меня, возьми фаэтон и поезжай домой. (*Уходит*).

Шейда (*Юсифу*). Откуда вы, не от доктора ли?

Юсиф. Да (*кашляет*).

Шейда. Как ты себя чувствуешь? Лучше, чем раньше, не так ли?

Юсиф (*с горькой и многозначительной улыбкой*). Несомненно, мой эфенди!.. Если не сейчас, то чуть позже я совершенно поправлюсь и, расставшись с этими страданиями, обрету вечный покой. (*Снова кашляет, прикрывая платком рот*).

Шейда (*печально*). Юсиф, ну, о чем ты думаешь? Что пользы в этих мрачных думах? В конце концов ты себя погубишь.

Рауф. Да, друг мой, в жизни необходимы терпение и стойкость. Те, кто поддаются наплыву чувств, собственноручно приглашают опасность. Бог даст, вскоре ты выздоровеешь, поправишься, однако я уверен, что ты больше не будешь работать в типографии.

Юсиф. Нет, мой эфенди, нет... вы оба ошибаетесь, или делаете вид, что ошибаетесь... Между тем безнадежные взгляды врачей, холодные утешения знакомых, страдания моего несчастного брата Мусы ясно говорят о том, что мои дни уже сочтены. (*После продолжительного и сильного кашля, вставая со своего места*). Ох, ох... Не хочу никаких утешений. По мне смерть - это самое приятное утешение, самый настоящий избавитель. Все бегут от смерти, а я все глаза проглядел ожидая ее, ибо я смогу быть счастлив только под сенью ее черных крыл. Да, я смогу найти покой только в ее пустых объятиях. (*Мучимый удушающим кашлем, грустно*). Ох, простите, побеспокоил... Будьте здоровы, мой эфенди... Может, больше не увидимся...

Не переставая кашлять, платком прикрывает рот. Наступает гнетущая тишина. В этот момент в перепачканной типографской краской одежде по одному, по двое входят наборщики. Некоторые из них здоровы, другие бледны, горбятся, у одного глаз повязан черным платком... Последним входит толстый Масуд.

Первый наборщик (*своим товарищам*). Видели вы Юсифа? Боже, в каком он состоянии, что за вид? Страшно даже в лицо взглянуть.

Масуд (*громким голосом*). А как ты думаешь, мой паша? Работа наборщика - не шутка! Этот бедный малый уже шесть лет вкалывает в этой проклятой типографии, которая ничем не отличается от тюрьмы.

Второй наборщик. Бедняга, если бы у него было хоть немного денег...

Масуд (*язвительно*). Что ты, ребенок, что ли? Откуда деньги у наборщика? Ровно двенадцать лет я тружусь в этом божьем приюте и, пыжась от гордости, выполняю обязанности главного наборщика, однако в моем августейшем кармане нет ни ломаного гроша.

Первый наборщик (с сожалением). Гара Муса перед нашими глазами!.. Какое вознаграждение он получил за то, что обливался потом, глотая свинцовую пыль? Единственное невинное дитя его мучается в лихорадке, брат его, Юсиф, гибнет в когтях туберкулеза, сам же он мечется под градом бедствий. Несчастный! Он надеялся на свою единственную руку, которая прокормила бы его семью, на мозолистую, отказывающуюся от всякой милостыни руку, но господу богу и она показалась лишней для него.

Второй наборщик. Что же будет делать этот несчастный, лишившись работы? Как он прокормит свою семью?

Масуд (с горькой улыбкой). Не волнуйся, это проще простого. Его дом отдан под залог Меджиду-эфенди за половину стоимости... Из этих денег он получил пока две трети и скормил своим больным, оставшуюся же часть получит на днях и тоже растратит. Вот тогда только и придут настоящие бедствия и самая настоящая нищета.

Первый наборщик. О, бессовестный, безжалостный!..

Второй наборщик. Как будто недостаточно того, что он пьет кровь народа, он еще зарится на наше жалкое имущество и дома.

Шейда. Интересно, кто же в этом виноват? Меджид-эфенди ли? Или простаки, которые надеются на его милосердие и жалость? Этот мир - мир столкновений и борьбы. Естественно, что он хочет напиться вашей крови, высосать ее до капли, однако и вы, по мере своих сил, должны защищать себя, ибо, если вы будете носиться с грезами о милосердии и жалости, то в результате кроме унижения и нищеты ничего не обретете. Сегодня вы со стороны наблюдаете, словно стадо баранов, как душат Юсифа и Мусу, в то время, как вам, да, всем вам, завтра предстоит пройти тот же путь над пропастью. Но увы, позднее раскаянье, поздний вопль ваш останутся без ответа, не принесут спасенья. **Первый наборщик.** Что же делать, мой эфенди, что делать? Все мы жалки, все мы бессильны...

Второй наборщик. Ох, если бы не жить в постоянном страхе перед властью!

Шейда. Нет, друг мой! На мой взгляд, эти увертки не имеют никакого значения и смысла. Если все рабочие, весь пролетариат земного шара начнет рассуждать так же, как и вы, то богачи еще несколько столетий будут топтать ногами трудящееся человечество. В то время, как мозолистые руки тех рабочих, которых вы считаете беспомощными, кормят весь мир, в том числе и вооружают все армии, всех капиталистов-эксплуататоров. Сегодня все счастье и беды мира зависят только от этих рук. Будьте уверены, если эти руки перестанут трудиться хотя бы даже на один день, жизнь во всем мире остановится.

Первый наборщик. На деле требуются только усердие и мужество.

Второй наборщик. Да, требуются только стойкость и выдержка.

Масуд (смотрит на часы). Время идет. Пора приступать к работе. Ну, живо!..

Наборщики с шумом спускаются в типографию.

Муса (*входит, обращаясь к Рауфу*). Как Юсиф, уже ушел?

Рауф. Да, вскоре после твоего ухода.

Шейда. Ну, рассказывай, что удалось сделать? Встретился с Меджидом-эфенди?

Муса. Нет, мой эфенди, его нет в магазине...

Шейда. Сядь, подожди, все равно должен сюда вернуться.

Муса садится в углу. В это время в типографии наборщики воодушевленно поют:

Сырые темницы - наш вечный приют,
Бедствия - наша извечная доля,
Свинец, уничтожающий целые армии,
Стал нашей пищей.

Товарищ, бога ради, раскрой глаза!
Проспись от смертельного сна!
Долго склонялся ты перед гнетом,
Долго топтали тебя, проснись! Вставай!

С первыми звуками этого марша входит Меджид-эфенди некоторое время удивленно слушает, потом сердито спускается в типографию.

Рауф (*Шейде*). Послушай, что ты наделал? Разве можно было передавать такой текст эдаким бестолковым типам?

Шейда. Ничего не поделаешь, друг мой, они вытащили его без моего ведома из моей тетради.

Рауф. Если текст попадет в руки Меджиду-эфенди, то конец, ты не сможешь выкрутиться.

Шейда. Уже поздно.

Небольшая пауза.

Меджид-эфенди (*выходит из типографии, сердито глядя на бумагу, что держит в руке*). Шейда! Это ты написал?

Шейда (*молчит*).

Меджид-эфенди. Кроме тебя никто из редакторов не мог написать ничего подобного... (*Гневно*). Ну, отвечай, это ты написал?.. (*Еще больше распалаясь*). Ты?!

Шейда (*после недолгого колебания*). Да...

Меджид-эфенди. А коли так, тут тебе больше делать нечего! Ты что, хочешь, чтобы я с твоей помощью угодил в лапы жандармов Николая?! Отвечай, тут что типография или очаг революции?!

(Шейда, задумавшись, не отвечает).

Меджид-эфенди. Нечего тут долго думать, если я что-то должен тебе за работу, скажи.

Шейда. Нет.

Меджид-эфенди. Тогда нет смысла ждать... Ступай, ты свободен.

Шейда (*берет свое пальто, грустно*). Но...

Меджид-эфенди (*прерывая его*). Ступай, дитя мое, ступай! Мне не нужны оправдания.

Шейда (*бросив на Меджид-эфенди гневный взгляд, вполголоса*). Ну, конечно!.. (*Уходит*)

Меджид-эфенди (*Мусе*). А ты чего хочешь?

Муса. Если можно...

Меджид-эфенди. Только говори живей. У меня нет времени!

Муса. Если можно, дайте мне немного денег и еще...

Меджид-эфенди (*с усталым видом*). Ладно, что еще?

Муса. Дайте какую-нибудь работу в типографии. Хоть и с одной рукой, но я хочу работать.

Меджид-эфенди (*вынимает портмоне, отсчитывает несколько бумажек*). На, это последняя, третья часть той суммы, в которую оценен твой дом. Больше у тебя не остается никаких денег... Через два месяца ты должен освободить дом и найти себе приют в другом месте, понятно? (*Раскрывает большую тетрадь, делает какую-то запись*). А ну-ка подойди, подпиши!..

Муса (*подписывая*). Мой эфенди, этих денег хватит моей семье только на два месяца. А после... Во всяком случае, вы должны дать мне какую-либо работу.

Меджид-эфенди. Работа-то есть, но с одной рукой нельзя работать.

Муса. Допустим. Но если рука потеряна в типографии, а ее владельцу и тут не найдется работы, то где же тогда он ее сыщет?

Меджид-эфенди. Что поделаешь, ты сам виноват. Надо было действовать более осторожно.

Муса. Мой эфенди, не обо мне речь... Вы должны подумать и о моих детях...

Меджид-эфенди. Сказано нет - и баста!

Муса (*идет к двери, но возвращается*). Мой эфенди!..

Меджид-эфенди. Ступай-ступай, нечего болтать попусту!

Муса. Мой эфенди, я у вас не помощи прошу, не милости жду. Я хочу только работы, хоть какое-нибудь место в типографии. (*С волнением*) Хоть какое-нибудь место... Работу...

Меджид-эфенди (*раздраженно*). Я же сказал, что у меня нет времени слушать разные глупости!.. С одной рукой нельзя работать, понятно тебе?!

Муса (*почти исступленно*). Значит, с одной рукой нельзя работать?! (*С горьким хохотом*). Ах ты, подлец, ах бессовестный!..

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Маленькая скромная комната... Справа два окна, слева дверь, в углу кровать. У окна стол и несколько стульев. На столе два-три бокала, графин с водкой, разбросанные газеты, журналы и книги... На стене большое зеркало, несколько картин. Освещает комнату слабый свет лампы. Дверь комнаты открывается на балкон, окна выходят в сад.

Последняя ночь апреля... Рауф и Масуд появляются со стороны сада и приближаются к окну.

Рауф (*пальцем стучит в окно*). Шейда! Шейда!

Масуд. Видно, его нет дома.

Рауф. Шейда, эй, ты здесь?

Масуд (*поднимаясь на цепочках, заглядывает в комнату*). Нет, тут нет его. Пойдем, попозже еще раз зайдем. (*Уходят*).

Мария (*входит в комнату, увеличивает свет лампы*). Ашраф-бей, Ашраф-бей! Подойдите-ка сюда!

Ашраф (*входит*). Что случилось? Мария? А где Шейда?

Мария. Его самого нет, однако вы можете ознакомиться с его комнатой, которая является зеркалом его жизни.

Ашраф (*с усмешкой*). Ну и комната, какая печальная картина!.. Тут в каждом углу гнездятся разочарованность, уныние, сиротство. Тут поселилось одиночество, свободное от всяких условностей и ограничений... (*Через окно смотрит в сад*). Самая непринужденная, самая поэтическая жизнь!

Мария. Ох, я не знаю, зачем Макс поселил здесь этого разгильдяя. Такой нервный сосед быстро надоедает.

Роза (*входит*). Где Шейда?

Мария. Кто знает, в каком кабаке он сейчас затуманивает себе голову.

Роза (*Ашрафу*). Поверьте, увидите Шейду, не узнаете, он совершенно изменился с тех пор, как ушел из типографии. (*Показывает на графин, бокалы*). И к выпивке сильно пристрастился, стал таким мрачным и раздражительным.

Мария. По ночам, как полоумный актер, все что-то выкрикивает бессвязно. Никому покоя не дает.

Ашраф. Конечно, все это не без причины?

Роза (*с улыбкой*). Кто знает!

Мария (*уходя*). Душа моя, какое это имеет к нам отношение. Пойдемте, выпьем по чашке кофе.

Ашраф (*как только уходит Мария, целует руку Розы*). Роза, ты продолжаешь любить Шейду, не так ли?

Роза (*с удивленной улыбкой*). Любить?! О, нет! Я его только жалею. Так, как жалеют несчастных.

Ашраф. Ах, как ты сердобольна, как великодушна! (*Снова целует ей руки*).

Мария (*снаружи*). Ашраф-бей! Роза!

Роза. Пойдем, мама ждет нас.

Ашраф. Я хочу оставить записку Шейде. Ты иди, я сейчас подойду.

Роза (*уходя*). Смотри, не задерживайся.

Ашраф. Сейчас подойду. (*Берет со стола листок бумаги, однако, ничего не написав, принимается расхаживать по комнате, задумчиво дымя сигаретой*).

Шейда (*входит с унылым видом*). О, мой эфенди! Добро пожаловать, рад тебя видеть! (*Пожимая руку Ашрафу*). Как случилось, что вспомнил вдруг о бедном дервише?

Ашраф. Бедный дервиш? Клянусь богом, подобное дервишество я предпочел бы власти султана.

Шейда (*с горькой улыбкой*). Может быть!

Ашраф. Однако ты мне кажешься очень грустным.

Шейда. Об этом лучше и не спрашивай!

Ашраф. Ты ведь знаешь мой характер, ради бога, раскрой мне свою душу, расскажи обо всем.

Шейда (*печально*). Что мне сказать, брат мой, что мне сказать? Вот уже ровно два месяца, как судьба моя, надежда, грезы о будущем - все, пожалуй, все, на мой взгляд, погибло, сошло на нет. Однако, несмотря на такую безнадежность, я еще чувствовал в себе какую-то стойкость, способность к сопротивлению. (*Взволнованно*). Жаль, жаль, что и она исчезла. Да, я жил только любовью к Розе, находил утешение только в этой жестокой красавице, но и она бросила меня, и она забыла обо мне. Живя в одном со мной доме, неделями ухитряется не показываться мне на глаза.

Ашраф. Нет, Шейда, ты ошибаешься, ибо она любезна и милосердна, как ангел.

Шейда (*грустно*). Пожалуй, что так...

Роза (*входя*). Добрый вечер, Шейда, как вы? (*Протягивает руку Шейде*).

Шейда (*подавая руку*). Благодарю.

Ашраф (*Шейде*). Знаешь, что завтра Первое Мая? По этому случаю наборщики устраивают загородную прогулку, пикник, и нас приглашают в гости.

Роза. Интересно, куда они собираются пойти?

Ашраф. На окраине города, в нагорной части, есть живописный сад. Вот туда они и договорились пойти.

Роза. И музыканты будут?

Ашраф. Разумеется, что за пир без музыки?

Роза. Не знаю отчего, но мне очень нравится восточная музыка.

Ашраф. Если вы соблаговолите присутствовать на празднике, будем беспредельно рады.

Роза. Вообще я очень люблю загородные прогулки. Если ничего не случится, отправимся все вместе.

Ашраф. Посмотрим, что скажет Шейда?

Роза. Несомненно, не откажется.

Ашраф (*Шейде*). Придешь?

Шейда (*поколебавшись*). Приду, мой эфенди.

Мария (*снаружи*). Роза! Где же вы?

Роза. Сейчас идем! (*Обоим*). Пойдем, выпьем по чашке кофе.

Шейда. Благодарю. Ашраф. Пойдем же!

Шейда. Я немножечко нездоров, вы идите, я подойду попозже.

Ашраф (Розе). Нас ждут...

Мария (снаружи). Роза! Роза. Идем.

Выходит вместе с Ашрафом. Шейда, потирая лоб, стоит в раздумье.

Масуд (снаружи). Разрешите войти?

Шейда. Кто там, заходите.

Масуд (входя с первым и вторым наборщиками). Слава богу, наконец-то застали.

Шейда. Пожалуйста, эфенди, садитесь... (Они рассаживаются)

Масуд. Где же ты пропадаешь? Сегодня дважды за вечер я заходил, второй раз вместе с Рауфом, но тебя не было.

Шейда. Я выходил подышать воздухом.

Масуд. Что-нибудь опять случилось? Ты кажешься очень озабоченным.

Шейда. Душа томится.

Масуд. Отчего же?

Шейда. Даже сам не знаю.

Масуд (поднимаясь, своим товарищам). Тогда пойдем, не будем сейчас беспокоить. Завтра в саду обстоятельно поговорим. Первый наборщик. Посидели бы немножко, куда ты торопишься?

Шейда. Садись, садись. Рассказывай, что у вас нового? Как идут дела?

Масуд (показывая на своих товарищей). Об этом лучше спросить у революционеров...

Первый наборщик (Шейде). Вы не хуже нас знаете Меджида-эфенди. От этого типа нам просто житья не стало. Ему никакого дела нет, если кто-нибудь из нас заболеет или покалечится. Зарботки ни на грош не увеличиваются, а работы хоть отбавляй, с каждым днем все больше заказов. Мочи нет терпеть эту кабалу, этот гнет.

Шейда. И где же выход?

Первый наборщик. Выход очень прост... (Резким тоном). Отказаться от работы, отстаивать свои права, вот и все!

Шейда. Превосходно!.. А ваши требования записаны? Первый наборщик. Да, можете посмотреть... (Вынимает из внутреннего кармана пиджака и разворачивает лист бумаги большого формата).

Шейда (просматривая его). Во, всяком случае, единство слова и дела - главные условия. И еще необходимо быть исключительно внимательными и осторожными.

Второй наборщик. Будь уверен, эфенди. Мы все хорошенько обдумали.

Масуд. Однако эти требования чрезмерны и слишком резко изложены. По мне, следовало бы написать несколько поскромней и помягче.

Первый наборщик. Заблуждаешься, Масуд, сильно заблуждаешься. Запомни раз и навсегда, что мы будем требовать, а не просить.

Шейда. Право скорей берут, чем дают.

Масуд. Он силен, а мы слабы... Что мы сможем с ним сделать?

Шейда. Муса, одолевший фараона, был всего-навсего пастухом, однако он бросился на арену с непоколебимым духом и победил. Гавэ, уничтоживший Зокхака, тоже был бедным кузнецом. Тем не менее, он восстал с горящим сердцем и свергнул с престола кровопийцу-правителя. А кто такой Меджид-эфенди? Не только он, но и опора наглости его - русский царизм - не сегодня-завтра будут низвергнуты.

Масуд. Отлично, как скажете, так и поступим. *(Смотрит на часы)*. Не пора ли нам? Время уже позднее.

Первый наборщик. Да, пожалуй, больше не будем беспокоить.

Шейда. Нет, вы меня не беспокойте... Но пусть эта бумага останется у меня. Я ее внимательно перечту, продумаю и завтра выскажу свои соображения.

Второй наборщик. Тем лучше, тем лучше...

Масуд. Ну, пошли.

Первый и второй наборщики. До свидания...

Шейда. Счастья и радости вам.

Проводив их, Шейда открывает окно в сад. Скрестив на груди руки, задумчиво и рассеянно смотрит в сад.

Роза (входит). Шейда, что же ты не идешь? Папа ждет тебя.

Шейда (не отвечая, глубоко вздыхает).

Роза. Интересно, что с тобой стряслось? Сегодня ночью в тебе чувствуется дух плачущего сироты или страдающего поэта.

Шейда (приближаясь к ней). Нет, нет... Если что-то и есть во мне, то это сердце одержимого любовью бродяги и отчаянье наказанного судьбой влюбленного. Но для утешения моего сердца нужен такой милосердно-сострадательный взгляд, каким обладаешь только ты. Это чувство может быть обласкано и утешено только твоими, вылитыми из света руками.

Роза. Шейда! Ты поддался губительному чувству и напрасно мучаешься.

Шейда (схватив руку Розы, взволнованно). Да!.. Но запомни, что ты, как капризный ребенок, играла с моим исполненным страдания сердцем, месяцами подкидывала его, как мячик, в руках, посчитала его детской игрушкой... Но, увы, наконец, ты неожиданно разорвала его на куски, бросила наземь и стала топтать ногами.

Роза (отнимая руку). Нас ждут в зале. Пойдем туда, а потом...

Ашраф (входит, пожимает руку сначала Розе, затем Шейде). С вашего разрешения, я ухожу.

Роза. Почему? Может, у вас срочная работа?

Ашраф. Да, отец послал мальчика, что он хочет видеть меня по одному вопросу.

Роза. Это не дело. Приходите раз в неделю и то вот так - мимоходом...

Ашраф. Это для меня большое несчастье. До свидания, дорогая, завтра снова увидимся. *(Выходит, Роза следует за ним.)*

Макс Мюллер (*в дверях, Ашрафу*). Ашраф-бек! Теперь вы знаете, где наш дом, несомненно, будете навещать нас почаще. (Шейде). Шейда, пожалуйста, заходи, выпьем кофе.

Шейда. Благодарю.

Голос Марии. Ашраф-бек, завтра к вечеру опять ждем. Голос Ашрафа. Хорошо, мой эфенди, хорошо!

Шейда закрывает дверь. Со вздохом ревности, грустный, приложив руку ко лбу, садится на скамью.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

В саду, среди зелени и цветов, бассейн с фонтаном. Чуть поодаль высятся чинары, кипарисы. Май, вечер. Шейда лежит на лужайке, дымя сигаретой и задумчиво любуясь окрестностями. Мимо быстрым шагом проходит Гара Муса.

Шейда (поднимаясь с места). Муса-эфенди, Муса!..

Муса (с иронической улыбкой). Нет, мой друг, я уже не тот Муса, которого ты знал. Меня теперь называют королем отверженных, султаном бродяг. (Намеревается продолжить свой путь).

Шейда (не отпуская его). Послушай, куда же ты? Куда так торопишься?

Муса. Мне некуда идти. Я гоняюсь лишь за одной добычей. Ищу одну хитрую лису, чтобы задушить и разорвать ее в клочья.

Шейда. Муса! Оставь все эти намеки, посиди немного, поговорим.

Муса. Не веришь мне? Вот тебе доказательство!.. (Достает из кармана залатанного пальто большой револьвер).

Шейда. Помилуй, кто же охотится с револьвером?!

Муса. А он больше годится для тех, за кем я охочусь.

Шейда (показывая на перевязанную руку). Как рука твоя? Еще не зажила?

Муса (горько смеясь). Пока не помажешь кровью эту рану, оставшуюся на память от типографии, она не затянется. Причем, эта кровь должна течь - в жилах только богатого, очень богатого человека. Понятно тебе?

Шейда (с состраданием и жалостью). Понимаю, да понимаю. Муса. Вот и все! (Хочет удалиться).

Шейда. Муса, Муса!

Муса (отмахиваясь). Нет у меня времени!

Быстрыми шагами удаляется. Шейда растерянно следит за его уходом. В этот момент приближаются наборщики, исполняя под музыку марш. Шейда направляется к ним. Наборщики празднично одеты, у каждого в руке красная роза.

Марш, исполняемый наборщиками:

Сырая темница - наш вечный приют,
Бедствия - наша извечная доля,
Свинец, уничтожающий целые армии,
Стал нашей пищей.

Товарищ, бога ради, раскрой глаза,
Проснись от смертельного сна!
Долго склонялся ты перед гнетом,
Долго топтали тебя, вставай, проснись!

В глазах не осталось света,
В сердцах нет радости,
Лишенные крови тела

Рано или поздно угаснут, истлеют,
Товарищ, довольно терпел ты,
Вставай! Проснись, проснись, проснись!

Закончив пение марша, наборщики по двое, по трое садятся на скамейки, некоторые ложатся на траву.

Первый наборщик (своим товарищам). Слушайте, а куда делся Шейда?

Рауф. Куда он денется? Не увидев Розы, огорчился и покинул сад.

Масуд. Действительно, любовь - это неутешное горе.

Рауф. Да, горе... Но самое приятное горе.

Первый наборщик. Нет, любовь - недостижимое счастье.

Второй наборщик. Да, счастье... Но самое несчастное счастье!

В этот момент сидящие справа наборщики замечают кого-то и начинают свистеть, окликая.

Масуд. Кто там? Кого опять вызываете?

Первый наборщик. Мусу, Гара Мусу. Рауф. Это действительно он?

Второй наборщик. Да!

Рауф (внимательно смотрит). Пожалуй, он самый.

Масуд (одному из наборщиков). Ступай, позови его сюда.

Первый наборщик. Станный он человек, даже не оглянулся ни разу.

Второй наборщик. Может, он не знает, что мы тут.

Рауф. Кто знает, какая беда опять стряслась с этим, несчастным.

Масуд. Что ты, не дай бог! Еще и двух месяцев нет, как он похоронил своего брата и единственного сына.

Рауф. Разве его беды на этом закончились? Все, что он имел, единственный дом, и тот отобрал у него Меджид-эфенди. Причем, будто бы по закону.

Масуд. Ни стыда у него, ни совести!

Рауф. А Ашраф? Каков Ашраф!

Масуд. А он что сделал?

Рауф. Муса освободил дом не в назначенный день. Так он осыпал несчастного ругательствами, оскорблял по-всякому.

Первый наборщик. Вот вам и последнее вознаграждение!

Второй наборщик. Вот так расплачиваются с подобными нам отверженными.

Масуд. Да, путь, по которому мы идем, всегда заканчивается обрывом. Маячит впереди страшный обрыв, и нет ни выхода, ни спасения.

Первый наборщик. (Вынимает из-за пазухи лист с письменным требованием, потрясая им). Выход прост, вот он! Требуются лишь благородный порыв и отвага! Нужна только мужественная стойкость! А до тех пор, пока мы будем пресмыкаться, уткнувшись лицом в землю, мы светлого дня не увидим. Нас будут давить каждодневно, поодиночке и всех вместе!

Второй наборщик. Больше не стоит размышлять, завтра же необходимо вручить это требование и постоять за свои права.

Первый наборщик. Да, либо мы должны добиться выполнения наших требований, либо покинуть типографию.

Второй наборщик (вскакивая с места). И не надо других слов, либо "да", либо "нет".

Масуд. Мне кажется, мы должны быть немного умеренными. Не гнев, а поиск решения нам нужен.

Первый наборщик (возмущенно). Нет, не надо других слов: либо "да", либо "нет"!

Сырая темница - наш вечный приют,
Бедствия - наша извечная доля,
Свинец, уничтожающий целые армии,
Стал нашей пищей.
Товарищ, бога ради, раскрой глаза,
Проснись от смертельного сна!
Долго склонялся ты перед гнетом,
Долго топтали тебя, вставай, проснись!
В глазах не осталось света,
В сердцах нет радости,
Лишенные крови тела
Рано или поздно угаснут, истлеют,
Товарищ, довольно терпел ты,
Вставай! Проснись, проснись, проснись!

Закончив пение марша, наборщики по двое, по трое садятся на скамейки, некоторые ложатся на траву.

Первый наборщик (своим товарищам). Слушайте, а куда делся Шейда?

Рауф. Куда он денется? Не увидев Розы, огорчился и покинул сад.

Масуд. Действительно, любовь - это неутешное горе.

Рауф. Да, горе... Но самое приятное горе. **Первый наборщик.** Нет, любовь - недостижимое счастье.

Второй наборщик. Да, счастье... Но самое несчастное счастье!

В этот момент сидящие справа наборщики замечают кого-то и начинают свистеть, окликая.

Масуд. Кто там? Кого опять вызываете?

Первый наборщик. Мусу, Гара Мусу.

Рауф. Это действительно он?

Второй наборщик. Да!

Рауф (внимательно смотрит). Пожалуй, он самый.

Масуд (одному из наборщиков). Ступай, позови его сюда.

Первый наборщик. Странный он человек, даже не оглянулся ни разу.

Второй наборщик. Может, он не знает, что мы тут.

Рауф. Кто знает, какая беда опять стряслась с этим, несчастным.

Масуд. Что ты, не дай бог! Еще и двух месяцев нет, как он похоронил своего брата и единственного сына.

Рауф. Разве его беды на этом закончились? Все, что он имел, единственный дом, и тот отобрали у него Меджид-эфенди. Причем, будто бы по закону.

Масуд. Ни стыда у него, ни совести!

Рауф. А Ашраф? Каков Ашраф!

Масуд. А он что сделал?

Рауф. Муса освободил дом не в назначенный день. Так он осыпал несчастного ругательствами, оскорблял по-всякому.

Первый наборщик. Вот вам и последнее вознаграждение!

Второй наборщик. Вот так расплачиваются с подобными нам отверженными.

Масуд. Да, путь, по которому мы идем, всегда заканчивается обрывом. Маячит впереди страшный обрыв, и нет ни выхода, ни спасения.

Первый наборщик. (Вынимает из-за пазухи лист с письменным требованием, потрясая им). Выход прост, вот он! Требуются лишь благородный порыв и отвага! Нужна только мужественная стойкость! А до тех пор, пока мы будем пресмыкаться, уткнувшись лицом в землю, мы светлого дня не увидим. Нас будут давить каждодневно, поодиночке и всех вместе!

Второй наборщик. Больше не стоит размышлять, завтра же необходимо вручить это требование и постоять за свои права.

Первый наборщик. Да, либо мы должны добиться выполнения наших требований, либо покинуть типографию. Второй наборщик (вскакивая с места). И не надо других слов, либо "да", либо "нет".

Масуд. Мне кажется, мы должны быть немного умеренными. Не гнев, а поиск решения нам нужен. Первый наборщик (возмущенно). Нет, не надо других слов: либо "да", либо "нет"!

Возвращается наборщик, ходивший за Мусой.

Масуд. Ну, что случилось? Почему не пришел Муса?

Наборщик. Ушел чуть не бегом, через нижние ворота.

Рауф. Хорошо, что он не подошел сюда. Один вид Ашрафа испортил бы ему немало крови.

Первый наборщик (в сторону). Вот и они идут...

Масуд. Айда, товарищи, когда веселье, нужно веселиться, когда работа, нужно работать, понятно?

Первый наборщик (*спрятал бумагу за пазуху*). Но слово наше остается в силе. Второй наборщик. Умрем, но не отречемся от своих слов.

Масуд (*подошедшим музыкантам*). Ну-ка, принимайтесь за дело, а мы послушаем, душа тоскует без музыки.

Музыканты готовятся играть. Выходят Роза и Ашраф.

Рауф. Добро пожаловать, мой эфенди! Все поднимаются со своих мест и приветствуют вошедших.

Ашраф. Ради бога, прошу, сидите, мы хотим немного прогуляться.

Роза. Эта сторона более красива, не так ли?

Ашраф. Да. (Наборщикам). Однако вы не ждите нас тут, идите вон к той чинаре, мы сейчас придем туда.

Рауф (музыкантам). Сыграйте сегях, послушаем.

Музыканты начинают играть.

Ашраф (удаляясь с Розой). Играйте, пойте. Мы же со стороны разделим ваше удовольствие.

Певец выводит чистым высоким голосом:

По мере того, как я вспоминаю встречу с тобой, о
сияющая луна моя,
В плачущих глазах моих слезы разлуки превращаются
в кровь.

Без тебя горе мое растет днем и ночью,
Терпение мое исчерпано, нет больше сил выносить
горести разлуки,
Приди, приди, прекрасный ангел мой, кокетливая
красавица моя.

В прошедшую ночь, когда я стонал во сне,
Не ты ли решила назначить мне встречу?
Сжался, умоляю! Меня погубило ожидание.
Терпение мое исчерпано, нет-больше сил выносить
горести разлуки.

Приди, приди, ангел мой прекрасный, кокетливая
красавица моя.

О, душа моя! Счастье мое всегда связано с тобой.

Поверь, я не хочу жить в этом мире без тебя.
Прекрати все эти мучения, сердце мое наполнилось
Терпение мое исчерпано, нет больше сил выносить
горести разлуки.

Приди, приди, ангел мой прекрасный, кокетливая
красавица моя.

Наборщики хором подпевают певцу:

Приди, любимая моя, красавица моя, с устами-бутонами.

Приди, живой дух мой.

Я уверен, что тебе ясна каждая коя сокрытая тайна.

О, бедствие души моей!
Ты - улыбающийся бутон, я - стонущий соловей,
Мы оба стремимся к одному и тому же цветнику.
По знаку Масуда все встают и с пением удаляются.
Без тебя этот мир мне кажется темницей,
Мне чуждо веселье.
Все мое существо окутано горем и грустью,
Тщетно я стараюсь их разогнать.
Иди, не откажись от верности!
Откажись от кокетства! Приди, приди, ангел мой!
Приди, спаси меня от этого горя.

После того, как удаляются наборщики, певцы и музыканты, рука об руку входят Роза и Ашраф.

Ашраф. Ах, по мере того, как человек погружается в созерцание этого красивого пейзажа, хочется поверить, что рай скорее всего явь, а не выдумка.

Роза. Да, поистине весна - особая пора...

В этот момент сзади между деревьями показывается Шейда. Внимательно и ревниво слушает их.

Ашраф (разглядывая Розу очарованным взглядом). Роза, Роза, ради бога, полюбуйся! О, боже! Погляди, как в небе сливаются друг с другом облака, а вон там две птицы, склонивши головки друг к другу, о чем-то нежно воркуют, и все цветы вокруг нас жаждут поцелуя. Как все это прекрасно, как поэтично!

Влюбленные смотрят друг на друга, и после недолгого колебания и молчания их губы непроизвольно сближаются.

Шейда (с воплем Меджнуна, обезумевшего от любви). Роза! Ах, Роза!

Сперва хочет наброситься на них, затем, сдержавшись, быстрыми шагами удаляется. Роза и Ашраф при крике Шейды испуганно отпрянули друг от друга. После того как Шейда удаляется, впереди раздается грубый и страшный хохот. От этого они теряются еще больше.

Роза (Неспокойно). Ашраф, Ашраф! Нам пора идти.

Муса (появляясь с револьвером в руке, повелительно). Нет, не уйдете.

Ашраф (растерянно). Ах, Муса!

Муса (с кривой усмешкой). Простите, побеспокоил.

Роза. Уйдем, Ашраф, уйдем.

Муса. Я же сказал, что вы не уйдете отсюда!

Ашраф. Муса, образумься, а то...

Муса. А то что?.. (Хохочет).

Ашраф (сует руку в карман, угрожающе), Муса!

Муса. Так ты мне угрожаешь? (Показывает на свой револьвер).

Видишь вот это, дружок? Тут всего три пули. Две из них предназначены Меджиду-эфенди и тебе, а последняя - всего лишь мне. (Издвательно). Видишь, я не такой несправедливый, как вы. То, что предназначаю вам, не пожалею и для себя. Так что не волнуйся.

Ашраф (*вынимает руку из кармана, показывая, что при нем нет оружия, с мягкостью, в которой проскальзывает злоба*). Муса! Муса!

Муса (*перевязанной рукой показывает на правую руку*). Вот, видишь эту единственную руку? На деле, тревожит тебя лишь эта, вот эта (*Меняя тон*). Оказывается, одна рука не годится для работы, одной рукой хлопка не издашь, не так ли?!

Ашраф (*беспокойно*). Муса! Муса. Выходит, одна рука не годится, так? Выходит, одной рукой хлопка не издашь, так? А я единственного сына своего, туберкулезного брата своего вот этой самой единственной рукой своей предал черной земле. А сегодня я и тебя, и себя, и бессовестного отца твоего вот этой единственной рукой успокою. Сегодня же, сейчас, понятно тебе?

Погода становится все более пасмурной, время от времени гремит гром.

Роза (*со страхом*). О, пощади, господи!

Ашраф (*вынимает портмоне, делает шаг навстречу Мусе*). Муса, это дело добром не кончится. Бери сколько хочешь денег, бери! Но...

Муса (*с саркастическим смехом*). Нет! Чуть погодя ни у тебя, ни у меня не будет нужды в этих деньгах. Сегодня я должен так вас наказать, чтобы это стало уроком для всех. (*Неумолимо*). Чтобы все подобные вам богачи, вся свора бессовестных грабителей, почитаемых жуликов впредь не смела сосать кровь мне подобных. Чтобы больше не смели грызть и топтать слабых и чтобы, наконец, поняли, что нужно не только самим уметь жить, но и давать жить другим! (*Глядя на него хищным взглядом, целится*).

Роза. Ах!

Ашраф. Муса!

Муса. Замолчи, хватит!

Раздается выстрел.

Ашраф. Ох!

Поддерживая правой рукой раненую левую руку, садится на скамейку.

Роза (*обнимая Ашрафа*). О господи, пощади! {Мусе}. Палач! Муса. Нет, так не годится!..

Роза (*умоляюще*). Муса!

Муса (*разъяренно*). Отойти!

Роза. Ради бога!

Муса. Отойти, говорю тебе!..

Раздается еще выстрел. Пуля попадает в грудь Розы, заслонившей Ашрафа. Муса тут же отходит.

Роза. Ох, мамочка... (*Теряя силы, падает на скамейку*).

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Христианское кладбище, окруженное кипарисами, в углу сцены комната гробовщика. Солнце еще не закатилось... Мария в траурной одежде стоит перед свежей могилой, усыпанной цветами. Рядом с ней - Макс Мюллер. Слышится сдержанно-печальная песня на мотив шикесте.

ПЕСНЯ

Каждый день злобный рок поднимает руку на чью-то юную жизнь,

Каждый день он сводит с ума какого-нибудь влюбленного,
Все вокруг - сплошное кладбище, везде обитель грусти,
Везде увядают в пору расцвета цветники.

Нет ни одного смеющегося в этом полном забот мире,
Многие, разочаровавшись, не достигают цели,
Никого я не видел в радости и довольстве.

Плачет соловей, плачет гиацинт, плачет роза...

Макс Мюллер. Уже солнце садится, может пойдём?

Мария. Ах, после того, как закатилось мое только что взошедшее солнышко, какое мне дела до закатов или восходов других солнц! (Со слезами на глазах). О, Роза, Роза, ангел мой, Роза!

Макс Мюллер (поддерживая ее под руку), Пойдем, Мария, пора. (С глубокой горечью, ласково). Прошу тебя, Мария, пойдём!

Мария. О, если б ты ушел, оставив меня тут, рядом с моей бедной доченькой, я была бы счастлива.

Макс Мюллер. Мария! Завтра мы опять придем сюда...

Мария. Что ж, пойдёт... (С помощью Мюллера делает несколько шагов, внезапно поворачивается и смотрит взглядом раненой газели). Прощай, дитя мое, прощай!

Оба, скорбно понурившись, удаляются. В это время подходят Рауф и Масуд.

Рауф (глядя вслед Марии). Несчастливая Мария! Нет для нее утешения.

Масуд. Еще бы. Одна дочь была у нее, свет очей, единственная надежда, - и ту потеряла. Увы, до чего же, плачевно ее состояние... Ну, что поделаешь с этим Мусой? Вот уже неделя, как власти ищут его, но никак не могут найти.

Рауф. Сказать по правде, я не верю, что он до сих пор жив. Да покарает аллах Меджида-эфенди, ни с того, ни с сего сделал несчастным человека.

Масуд. А Шейда? О нем ты разве забыл?

Рауф. И не говори. Мучения, что терпит Шейда, выше человеческих сил... Он буквально обезумел от тоски по Розе, а я люблю его как брата, иначе зачем бы мне приходиться сюда?

Масуд. Что поделаешь, друг мой. Любовь - это рабство.

Рауф. Самое страшное заключается в том, что Шейда не верит в смерть Розы.

Масуд. Если так, то, что ему тут делать?

Рауф. Кто знает, может быть...

Масуд. Может быть, он все понимает, но не хочет признавать это?

Рауф. Нет. Поверь, если даже призвать в свидетели самого ангела смерти, он и ему не поверит.

Масуд. Давай отыщем его, и я попытаюсь во всем разобраться.

В это время из своей комнаты выходит могильщик.

Рауф (могильщику). Приятель! Не появлялся ли здесь вчерашний посетитель?

Могильщик. Это кто же? Разодетый по моде бек? Старик? Или юный безумец с растрепанными волосами? О ком из них спрашиваете?

Масуд (Рауфу). Интересно, кто этот модник-бек и этот старик?

Рауф. Бек-это наш Ашраф, а старик - его отец.

Масуд. Допустим, но что им здесь нужно?

Рауф (указывая на могилу Розы.). Ашраф-бек - постоянный паломник этой могилы. Отец же его каждый вечер бредет за своим сыном как тень, не покидает его.

Могильщик (в сторону). Удивительное дело! Сколько ни есть помешанных и полоумных, все собираются здесь.

Масуд. Давай найдем Шейду и вместе отправимся домой.

Рауф. Да; пойдем, может, нас ждет радостная весть. Масуд. Какая радостная весть?

Рауф. Весть о революции...

Масуд. О какой революции?

Рауф. Вот-вот наступит час, когда шкура старого северного медведя будет разодрана, с нас спадут оковы русского самодержавия, и каждая нация обретет свою землю, свои права.

Масуд. Пойдем, душа моя, пойдем... Не будь и ты таким мечтателем, как Шейда!

Уходят. Муса, сменивший одежду, в старой драной шапке выходит из комнаты могильщика. Смотрит вслед Рауфу и Масуду,

Муса (обращаясь к могильщику). Знаешь ли ты их? Они мои старые товарищи.

Могильщик. Будь осторожен, войди в комнату. Вон, идет еще какой-то человек. Муса (иронически). А это наш владыка, Меджид-эфенди! (С радостным возбуждением). Но какой приятный случай! Слышал ли ты до сих пор, чтобы добыча сама являлась к охотнику!

Могильщик. Не болтай, заходи в комнату, а я схожу за дровами.

Муса. Ладно, дружок, так и быть... (Входит в комнату, могильщик удаляется в другом направлении).

Меджид-эфенди (тяжелыми шагами приблизившись к комнате могильщика). Эй, есть тут кто-нибудь?

Муса (выходя, измененным голосом). Кого ты хочешь?

Меджид-эфенди. Не было ли тут Ашрафа?

Муса (молчит).

Меджид-эфенди. Не видел ли ты того молодого человека, который каждый вечер приходит сюда?

Муса (не отвечая, приближается к нему).

Меджид-эфенди (повысив голос, с испугом). Ты что, оглох, что ли? Почему не отвечаешь?

Муса. Да, я глух, чтобы не слышать подлых слов.

Меджид-эфенди. Ах! (Пятится назад).

Муса. Вот тебе самый верный ответ! (Стреляет ему в грудь).

Меджид-эфенди. О-о!.. (Падает на спину).

Муса (злорадно). Сдохни, подлый тип! Сдохни! Наконец-то ты получил по заслугам! (Язвительно). Одна рука не годилась для работы, одной рукой хлопка не издать, не так ли? (Неистово смеется).

Могильщик (входит, неся несколько поленьев, встревоженно). О боже, кто этот тип? Что с ним случилось?

Муса (с горьким хохотом). Вот тебе еще один клиент!

Могильщик (растерянно). Что, ты натворил? Послушай, что же ты натворил!

Муса. Не надо лишних слов. (Указывая на труп). Возьми и похорони его в пустой могиле! (Меняя тон). Но добыча довольна жирна! Смотри, не забудь о карманах!

Могильщик. Ах, навлечешь ты беду на нашу голову!

Муса. Ладно! Много не болтай! До сих пор ты мною командовал, теперь наступил мой черед.

Берет труп за ноги и тащит в указанном им самим направлении, могильщик бросает дрова, подхватывает труп за голову. После их ухода появляется Ашраф. Раненая рука его подвязана белым платком. С грустью останавливается перед могилой Розы.

Ашраф (дрожащим голосом). О, Роза! Роза! Почему ты оставила меня одного, почему?

Склоняется над могилой, обнимая ее. Затем намеревается идти в том направлении, куда унесли труп, но в этот момент навстречу ему выходит Шейда, бледный, с непокрытой головой и растрепанными волосами.

Ашраф (отступая от него). Ты ли это?

Шейда. О, предатель беспощадный!.. Что ты тут делаешь? Или явился погубить меня?

Ашраф (страдающе). Шейда, будь уверен, что...

Шейда (прерывая его). Знаю, я тебя знаю, не надо отговорок. Как ты разбил мое сердце, так уничтожь и все существо мое, может, я обрету покой. (С волнением). Но ты... Ты живи! Живи вместе с Розой! Будь счастлив вместе с Розой!

В этот миг раздается выстрел. Оба, вздрогнув, оборачиваются. Это Муса стрелял в Ашрафа, но промахнулся.

Муса (подходит, обращаясь к Шейде). Нет, нет! Ты должен жить, именно ты достоин жизни. Только предатели должны сдохнуть, предатели должны быть уничтожены.

Ашраф. Чего тебе надо, эй, ты, что хочешь от меня?!

Шейда (встает между ними, Мусе). Полоумный тип, ты тоже потерял голову? Какой смысл в смерти счастливых и в жизни злосчастных? Это я должен умереть, только я. Понятно тебе?

Муса. Ошибаешься, Шейда, ошибаешься. Уйди с моего пути, не мешай.

Шейда. Нет! Нет! Я не одобряю этой мести. Смотри, тут христианское кладбище... Разве ты не замечаешь крестов? Не вспоминаешь Иисуса? Поверь, что прощать страшнее, чем мстить.

В этот момент появляется призрак Розы и вновь исчезает.

Смотри, смотри, видел ли ты Розу? Месть тяготит ее, и она просит, чтобы ты простил. (Усмехнувшись). Да! "Люби врагов своих. Если кто ударит тебя в правую щеку, то обрати к нему и левую..." Понял ли ты? Уразумел ли, наконец? (Схватив Ашрафа за руку, толкает его). Уходи, мой эфенди, уходи! Уйди и живи спокойно. Живи вместе с Розой! Муса. Нет, он не уйдет, не сможет уйти!

Снова целится, но в это время с одной стороны входят Рауф и Масуд, с другой - могильщик.

Рауф. Муса, Муса, что ты делаешь?

Масуд (беря Ашрафа под руку). Слушай меня, я хочу тебе кое-что сказать. (Отходят в сторону. Муса хочет последовать за ними).

Могильщик (препятствуя). Постой-ка, сумасшедший! Соображаешь ты хоть, что делаешь? (С разных сторон раздаются свистки)

Могильщик (с тревогой). Ах, вот и полицейские окружают нас!

Муса. Но разве не глупость убить змея и оставить в живых змееныша?

Могильщик. Слушай, ты, замолчи, видно, совсем лишился рассудка! Отойдем лучше в сторонку, у меня к тебе дело. (Отводит Мусу в сторону).

Рауф (Шейде). Послушай, а куда ты дел свою шапку?

Шейда (с горькой улыбкой). Она понравилась ветру, и он унес ее.

Рауф. Поздно уже, пойдем домой.

Шейда. Нет, вы идите, а для меня лучше тут... (Указывая на могилы). Ибо вот эти тела без душ, эти лишенные чувств несчастные более искренни, более дружелюбны, нежели вы. И еще - они не такие лгуны и предатели, как вы, они не знают ни коварства, ни дьявольских козней.

Рауф (опечаленно, с состраданием). Шейда! Шейда!

Масуд (подходя). Чего вы еще ждете? Пойдем отсюда!

В это время призрак Розы вновь является Шейде.

Шейда. О, она уходит... Роза уходит. Красавица, которую вы считаете мертвой, бродит по могилам, ищет своего возлюбленного, ищет Ашрафа.

Рауф и Масуд растерянно переглядываются. Призрак Розы с опущенной головой делает несколько шагов, затем, неожиданно обернувшись, пронзительным и гнетущим взглядом смотрит на Шейду.

Шейда. Роза! Роза! Во имя аллаха, оставь меня в покое!

Рауф. Шейда! Почему ты не пожалеешь себя? Зачем ты терзаешься?

Призрак Розы удаляется с приветливой и чарующей улыбкой.

Шейда. Ты на меня обиделась? О, куда же ты идешь? (С горьким стенанием). Роза! Роза!

Устремляется за призраком. Друзья следуют за ним. Входят двое полицейских с оружием в руках.

Первый полицейский. Эй, куда бежите?

Второй полицейский. Стойте! Ни с места!

Все трое останавливаются, полицейские надевают им наручники.

Первый полицейский. Марш вперед!

Второй полицейский. К караульному!

Рауф. Мой эфенди, у нас нет оружия.

Масуд. Можете сами проверить...

Первый полицейский. Нечего тут болтать попусту.

Второй полицейский. К караульному!

Муса и могильщик, тоже в наручниках, в сопровождении двух полицейских появляются с противоположной стороны. Все вместе уходят.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

На верхнем этаже большая тюремная камера с одной дверью и тремя окнами. Рауф и Масуд лежат в углу, Шейда в противоположной стороне у окна кашляет и стонет. Все трое в арестантской одежде. Свет лампы перед ранним мартовским утром слабеет и обретает мертвенный оттенок.

Шейда (бредит). Отпустите, отпустите!.. Ах, чего вы все от меня хотите? (Поворачиваясь, раздраженно). Нет, какая жалость! Какая жалость!..

Рауф. Бедняга, он как несчастный несмышлениш...

Масуд. Да, любовь-это несчастье.

Рауф (садится). Да, да, несчастье, причем страшное несчастье.

Масуд (встает, выпив один-два глотка воды). Да накажет бог начальника тюрьмы! В жизни не видел такого неотесанного, безжалостного типа. Стоит кому-нибудь из заключенных заболеть, его назавтра же забирают в больницу. А Шейда вот уже месяц как агонизирует, но никому до него нет дела.

Рауф. Сегодня, наконец, его заберут, доктор обещал.

Масуд. Не верь ушам своим! Много расточается сладких слов, однако толку-то что от них, где результат? Было время, и ты выступал прорицателем, говорил "нас продержат не больше трех дней", а что вышло? Вот уже девять месяцев, как мы торчим тут взаперти, и нет никакой надежды на спасение.

Рауф. Ничего, не волнуйся. Как бы там ни было, через два-три дня мы выйдем отсюда.

Масуд (усмехаясь). Вот как, опять два-три дня?

Рауф. Сам рассуди. Нас с самого начала разъединили с могильщиком и Мусой. Поместили нас наверху, а их внизу, в темном подвале. Следовательно, мы не столь причастны к преступлению.

Масуд. Все это иллюзии, мой эфенди, иллюзии.

Рауф. Как же, иллюзии! Будем живы-здоровы, через два-три дня сам убедишься.

Масуд (недоверчиво). Посмотрим!

Рауф. Есть еще одна весть, но в нее, сказать по правде, и мне самому не очень верится. Если дошедшие сюда слухи подтвердятся, освободимся не только мы, но и весь народ, вся страна.

Масуд (с улыбкой). Интересно, что это за слухи?

Рауф. Великая и страшная революция, революция, которая перевернет всю страну.

Масуд. Пожалуй, неплох твой сон... (Устало ложится на свое место).

Рауф (радостно). Вот-вот, ты сказал сон, и я вспомнил! Недавно я только закрыл глаза, как мне приснилось, что крыша проломилась, и в этот пролом с небес спустилось какое-то светозарное существо. По одному его знаку эта большая стена отворилась, и тут же все мы трое обрели крылья и начали летать как птицы. Но мы вдвоем с тобой вскоре опустились на вершину высокой горы, а Шейда все летел и летел ввысь, и, наконец, слившись с облаками, исчез из глаз. (Ложится рядом с Масудом).

Масуд (устало). Ради аллаха, оставь свои пустячные грезы, дай мне немного отдохнуть, сегодня ночью я глаз не сомкнул...

В этот момент в окно рядом с Шейдой раздается тихий стук и слышится голос Розы: "Шейда! Шейда!"

Шейда. Нет, нет, я не приду. Уходи, ради аллаха, уходи!

Вновь стук в окно и слышится прежний голос: "Шейда! Шейда!"

Шейда. Чего ты хочешь? Ах, чего ты хочешь от меня? (Встает и, открыв окно, напряженно всматривается в даль). Роза! Роза! Куда ты ушла? Зачем приходила и зачем ушла? Ах, почему ты мне не даешь покоя? Чего ты хочешь от несчастного мученика?

Призрак Розы является в виде ангела в ореоле золотистого света. Приветливо, ободряюще глядя на Шейду, приближается.

Шейда. Ах, неужели это сон? Роза (ласково). Шейда! Шейда. О, боже мой!

Роза (с тоскою). Шейда!

Шейда. Ах, чего ты хочешь? Роза (с улыбкой). Шейда!

Шейда (отчаянно). Роза! Роза! Ради аллаха, уйди!

В это время появляется ангел в черном одеянии, с грозным недвижным взглядом. Шейда не замечает его.

Роза. Шейда, ты забыл меня?

Шейда (глубоко вздыхая, проникновенно). Нет, нет, еще не забыты дни, когда я обожал тебя, дни, когда я стремился в твои объятия... Я до сих пор помню твои взгляды, в которых сквозило утро нашей любви, еще вспоминаю невинные улыбки твои... Я не хочу больше помнить о неверной

Розе, о той безжалостной красавице, что бросила меня. Я не хочу больше видеть ее.

Ангел в черном одеянии (мягко, но повелительно). Что ты говоришь, Шейда, что ты говоришь? Ведь она влюблена в тебя, а ты одержим ею.

Шейда (страдающе). Ах, кто ты?

Ангел в черном одеянии. Я - это я, успокойся. Я тот, благодаря кому все плачущие глаза и раненые сердца обретают покой. Я - тот, в ком бесследно растворяются все страдания и волнения. Я - всеобщий утешитель.

Шейда (потрясен его спокойствием и многозначительным взглядом). О, пощади меня, боже!

Ангел в черном одеянии (с улыбкой). Шейда, ты счастлив. Да, теперь ты счастлив.

Шейда. Нет, нет... Я не хочу никакого утешения. (С волнением). Ах, насколько ласков твой дружественный лик, настолько страшен твой глубокий и недвижный взгляд.

Ангел в черном одеянии. Не бойся, совершенно не бойся! Я явился не мучить, а только утешить тебя, заставить тебя забыть все горести. (Показывая зажатое в пальцах сверкающее кольцо). Видишь ли ты это алмазное кольцо? В знак вечного обручения вручаю его Розе, вручаю от твоего имени. Оно соединит ваши разбитые сердца, примирит ваши обиженные души.

Шейда (указывая на Розу). Нет, я ей не верю, не хочу верить. Ангел в черном одеянии. Будь уверен Шейда, будь уверен. Впредь никакие преграды, никакие силы не смогут разлучить вас друг с другом. (Указывая на открытое окно). Смотри-ка, эту божественную любовь благословляют звезды, осеняют ангелы.

Шейда (с крайним изумлением и радостью). О боже, как прекрасны переливы этих нежных облаков и струение мерцающих звезд! Ах, как прекрасно парение ангелов в окружении радужных пестрокрылых птиц!

В это время призраки Розы и ангела в черном одеянии исчезают одновременно.

Рауф (протирая глаза, встает. Увидев Шейду в состоянии экстаза, с состраданием). Что с тобой, что ты там делаешь?

Шейда (не обращая внимания). О, этот райский пейзаж! Как он умиротворяют, как божественен... (Поворачивается, увидев Рауфа рядом с собой). Ах, где ж они? Куда исчезли?

Рауф (с волнением). Кого ты ищешь?

Шейда (нетерпеливо). Ради бога, куда они делись?

Рауф. О ком ты спрашиваешь?

Шейда. Роза! О, безжалостный ангел!..

Рауф (закрывая окно). Разве так можно? Ты же губишь себя.

Возвращаются на свое место. В этот момент из соседней комнаты слышится песня, исполняемая печальным голосом на мотив дешти.

О боже, я не нахожу покоя, не нахожу покоя.

Горит дух мой, я постоянно лью слезы.

Я влюбился в одну неверную красавицу,
Я пленен, я пленник своей любви.

Снова показывается ангел в черном одеянии.

Шейда. Этот голос будто поет обо мне. (Заметив ангела). А, ты опять явился? Ангел в черном одеянии. Да, явился, чтобы вернуться вместе с тобой.

Шейда. Прекрасно, но куда, куда мы пойдём? Ангел в черном одеянии. В иные миры, более высокие.

Шейда. Нет, я хочу только Розу, только ее одну.

Ангел в черном одеянии (указывая на появившийся призрак Розы в свадебной фате). Вон она идет в одеянии невесты.

Шейда. О, приди, приди, мы отправимся вместе.

Ангел в черном одеянии (протягивая Шейде цветок, украшавший Розу). Вот бутон, сорванный в райском цветнике... Возьми, вдохни его аромат, он прекрасен.

Шейда (нерешительно). О, нет, нет! Роза. Не отказывайся, бери!

Шейда. Роза, Роза! Этот дружелюбный лик ввергает мою душу в ужас. Я не верю, его глазам... Мне кажется, что он хочет разлучить меня с тобой.

Ангел в черном одеянии (многозначительно улыбнувшись).

Пожалуй, да, я оставил многих матерей без детей, многих детей без матерей... Если какая-либо свадьба оборачивается трауром, то это свершается по мановению моей руки. Если какая-то страна остается без правителя, то причиной этому снова я. Да, я разлучил много супружеских пар, многих влюбленных заставил томиться в разлуке. Но вас, вас я не разлучить, а наоборот, соединить хочу-вечной неугасимой любовью.

Роза. Шейда! Все счастья и беды находятся в его власти! Он не знает колебаний, и каждое слово его - непреложный закон.

Шейда (потрясенно). Роза, Роза! Но, увы!..

Роза. Не волнуйся, не тревожься ни о чем.

Ангел в черном одеянии (*приближает цветок к ноздрям Шейды*).

Вдохни, увидишь, как ароматен этот цветок! Какое благовоние!

Шейда (понюхав цветок, чуть отступает назад). О-о!.. И все же...

Ангел в черном одеянии (подходя еще ближе). Чувствуешь ли ты? Насколько он желанен, как близок духу твоему!

Шейда (еще раз понюхав и постепенно отодвигаясь назад, слабым и дрожащим голосом). Но... Но... (Печально и изнемогающе). Роза!.. Роза!...

Протягивая руку к Розе, падает навзничь. В тот же миг тюремные часы начинают звонить, как церковные колокола. Наступает утро.

Рауф. Пора, Масуд, вставай!

Оба быстро одеваются и приводят себя в порядок.

Масуд. Надоело уже ложиться и просыпаться... Да смилостивится аллах над Шейдой!

Рауф. Не теряй надежды, мой друг, отчаявшийся - это тот же сатана. Наступит день, и поднимутся эти черные завесы. А поработители,

насильники, жадные стяжатели, что посеяли, то и пожнут, захлебнутся горьким шербетом мести.

В это время громко и волнующе звучит напоминающая Марсельезу песня-марш. Оба с крайним изумлением открывают окно и слушают.

МАРШ

Товарищ! Довольно с нас унижений!
Достаточно сна, проснись, поднимайся!
Уничтожены, сгинули гнет и несчастья!

Настало, настало прекрасное время.

Долго был угнетен ты.

Выпрямись, стойким будь!

Правда твоя, товарищ!

Будь готов!

Правда твоя, ибо труд - твой.

Сила - твоя, усердие - твое, рвение - твое!

Рауф. Это же революционный марш, песня революции! О, наконец-то свергнут идол порабощения, уничтожен русский царизм, рассеялись черные тучи.

Масуд. Наверное, это еще одна фантазия, еще один сон!

Рауф. Послушай, друг, скоро ты и само солнце станешь отрицать, и даже в свое существование перестанешь верить.

Снаружи доносятся громкие голоса.

Муса (резко открывая дверь). Товарищи, сорваны цепи, справедливость восторжествовала! Нам светит солнце счастья, улыбается ангел свободы. Воистину сегодня - светлый праздник для порабощенных и страшный день для угнетателей - день возмездия! (Приближается к Шейде). Шейда!.. Шейда!... (Берет за руку и хочет поднять его, но увидев, что рука холодна и недвижна, изумленно). О, он умер! Шейда, Шейда! (Со слезами обнимает его).

Занавес.